

МЕЧ СИЛЫ

— Том 1 —

Серия:

МЕМУАРЫ ЯРАГОРА

Содержание

Аннотация

Предисловие Ярагора

Пролог. Ночь у древнего дуба

ПРОБУЖДЕНИЕ

Городской парк

Старый дуб

Что показал клинок

Первые шаги

Красный свет

БЕЗ МЕЧА

Человек в дверях

Орден и раскол

Наставления и полуправда

Обычный вечер

Чужой взгляд

Страх возвращается

Цена слова

Решение Хранителя

НАСЛЕДИЕ

Голос Мирославы

Велемир

Мирослава

Когда упали оба неба

До Морока

Первая волна

Город засыпает

Дорога на завод

ВЫБОР

Последнее искушение

Имя сына

Цена магии

Возвращение

Северный знак

Об авторе

Аннотация

Трое ребят находят древний Меч Силы, спрятанный у старого дуба много лет назад. Прикосновение к клинку показывает каждому не волшебное будущее, а правду о себе: где он привык убегать, прятаться, оправдываться или врать.

За мечом охотится Мóрок, бывший Хранитель Наследия. Он уверен: людям нельзя давать Силу, потому что рано или поздно они обратят её друг против друга. С помощью Зеркала Единой Воли он собирается испытать на одном городе морок покоя, а затем распространить его по древней сети на всю Землю. Ярагор думает иначе. Силу нельзя раздавать бездумно, но нельзя и навсегда прятать. Человека нужно готовить к ответственности.

За спором двух бессмертных стоят тысячелетия служения, Орден Хранителей, знания погибших цивилизаций и старая семейная рана. А детям предстоит доказать, что меч лишь показывает путь. Идти по нему всё равно придётся самим.

Предисловие Ярагора

Я видел, как города становились лесами, а леса превращались в города. Помню языки, на которых давно никто не говорит, и имена народов, оставшихся только в узорах на камне.

Люди называют это бессмертием. Слишком красивое слово.

Бессмертие Хранителя не похоже на вечную молодость из сказок. Это обязанность оставаться, когда все, кого ты знал и любил, уже ушли. Это право помнить то, что миру удобнее забыть. И обещание сохранить Наследие цивилизаций, которые однажды тоже считали себя непобедимыми и вечными.

Нас всегда было немного. Хранителем нельзя было стать по рождению, купить это право или выпросить у старших. Сила сама признавала человека после поступка, в котором тот без расчёта рисковал собой ради других или ради сохранения Наследия. После такого подвига человеку давался выбор: вернуться к обычной жизни или принять долгую службу, новые способности и ответственность, у которой нет срока.

Мы не стареем, быстрее обычных людей восстанавливаемся после ран, чувствуем пробуждение Наследия и умеем направлять Силу для защиты, исцеления и воздействия на материю. Но неуязвимыми это нас не делает. Если разрушена Печать Хранителя, погибаем и мы. А за каждое серьёзное вмешательство рано или поздно приходится платить.

Я принял её. Когда-то принял и тот, кого теперь называют Мóроком.

Я долго откладывал этот рассказ. Не потому, что хотел спрятать его от людей. Скорее наоборот: слишком многое в нём касалось того, что человек обычно прячет от самого себя.

В юности мне казалось, что сила всегда заметна. Удар, шаг, взгляд, победа в поединке, умение выдержать боль. Позже я понял: иногда самая трудная битва происходит без свидетелей. Человек держит в руке телефон и выбирает: снова соврать или наконец сказать правду. Девочка слышит доброе слово и выбирает: убежать от смущения или остаться. Мальчик сжимает ручку сумки и выбирает: опустить глаза или не отдать себя страху.

Тогда, у старого дуба, трое ребят нашли Меч Силы. Но если быть точным, они нашли не меч. Они нашли трещину в привычной жизни, через которую каждый увидел себя настоящего.

А я снова встретил того, кого когда-то потерял задолго до их рождения.

Позже ребята много раз рассказывали мне о том дне. Каждый помнил свои детали, спорил с другими, что-то приукрашивал, а что-то, наоборот, старался забыть. Семён, например, уверял, что любовался новым телефоном всего пару секунд. Думаю, гораздо дольше.

Часть событий открыл мне сам Меч. Предметы такого уровня сохраняют не изображение прошлого, а отпечаток выбора: миг, когда человек мог поступить по привычке, но увидел другую дорогу. Поэтому здесь есть сцены, свидетелем которых я не был. Я рассказываю их так, как слышал от детей и прочёл в памяти клинка.

Есть и то, чего они тогда не знали. То, о чём я молчал слишком долго.

Пролог. Ночь у древнего дуба

Лес в ту ночь был чёрным и живым. Ветки били по лицу, земля уходила из-под ног, воздух царапал горло. Я бежал уже слишком долго, чтобы сохранять красивую осанку воина, но ещё недостаточно долго, чтобы позволить себе упасть.

Меч лежал у меня за плечом. От него шло ровное тепло, будто я нёс не оружие, а чужое сердце. Сердце древнего договора между силой и человеком.

Сзади двигались наёмники Морока. Я почувствовал его присутствие раньше, чем услышал голос. Так узнают шаги человека, с которым прожили не одну человеческую жизнь. Они не кричали. В этом и была их опасность. Молчаливый враг всегда тяжелее шумного. Шумного можно услышать, оценить, встретить. Молчаливый похож на сам страх: он приближается без объявления.

Один из преследователей резко вышел сбоку и почти схватил меня за плечо. Я успел прихватить его запястье, чуть протянул по направлению атаки и широким махом перекинул через себя. Он ударился о землю, но оказался не слабаком. Я уже добивал ногой, когда он сбил мой удар, вскочил и врезал кулаком в живот.

Воздух выбило из груди. Он пошёл вперёд серией ударов в голову. Я не ожидал от него такой прыти, но тело вспомнило то, чему учат не слова, а тысячи повторений. Уклон. Ещё уклон. Левый снизу в челюсть. Правый сбоку. Прыжок с разворотом, удар пяткой в голову. И следом — двойной боковой удар ногами в прыжке с разворота.

Он рухнул тяжело, но времени радоваться не было. В груди горело, дыхание рвалось, а впереди уже проступал силуэт дуба.

Этот дуб был старше многих человеческих клятв. Корни его уходили глубоко, словно держали землю за память. Под ним когда-то приносили обеты, встречали рассветы, провожали погибших и учили мальчишек стоять прямо, когда внутри дрожит.

Я упал на колено, разгреб землю у корней и достал камень с солнечным знаком. Место было выбрано не случайно. Под корнями проходила одна из старых линий Наследия, когда-то связывавшая северные города с атлантическими узлами памяти. После войны линия считалась мёртвой. Я хотел верить, что так и есть.

На рукаве одного из преследователей мелькнула застёжка в виде расколотого солнечного круга. Знак был знакомым, но в тот миг у меня не осталось времени вспоминать, кому он принадлежал.

Меч лёг в тайник без сопротивления. Будто знал: пришло время спать.

— Спи, пока не придут те, кто захочет победить свои слабости.

Из темноты донёсся смех Морока. Фигуры приближались.

— Ты всё ещё веришь людям, Ярагор? — спросил Морок. — Они не хотят быть свободными. Им проще, когда за них решают.

Я собрал внимание в груди и разжёл Ярило — тёплое улыбающееся солнце, которое Хранитель учится сохранять внутри даже тогда, когда вокруг остаётся одна тьма. Тепло коснулось Печати, и та ответила золотым светом.

Я положил ладонь на землю. Вспышка прошла по корням дуба, и на миг лес стал золотым.

— Нет. Им просто надо вспомнить, кто они.

Я поднял руку, вдохнул Силу жизни через раскрытую ладонь и на выдохе сжал пальцы. Кулак Яра быстро наполнил тело тем, что ещё оставалось в земле, воздухе и во мне самом.

Я ударил землю кулаком. Свет раскрылся кругом, как дыхание самой земли. Потом всё исчезло в темноте.

Когда я пришёл в себя, лес был пуст. Меч спал под корнями, преследователи ушли, а я никак не мог вспомнить лицо человека, который когда-то учил меня наносить первый удар. Имя осталось. Голос тоже. Лицо исчезло.

Так Сила напомнила цену. Когда Хранитель вмешивается по-настоящему, он рискует потерять воспоминание, связанное со смыслом своего поступка. Я защищал меч и лишился лица человека, который когда-то учил меня защищаться.

Глава 1. Городской парк

Алиса любила танцевать в пустом зале.

Алисе было шестнадцать. Среди ребят она казалась особенно высокой и тонкой; гибкая фигура будто всегда помнила продолжение движения. Каштановые кудри обрамляли молодое лицо, а большие карие глаза выглядели уверенными только до тех пор, пока Алиса не замечала направленный на неё взгляд.

Она любила светлые брючные костюмы и чёрные топы: в такой одежде можно было выглядеть взрослой, не чувствуя себя полностью открытой. Когда смущалась, пальцы сами находили тонкую цепочку на шее или край пиджака. Телефон становился ещё одной защитой — маленьким прямоугольным укрытием, за которым можно было выбрать ракурс и не отвечать сразу.

Пока музыка звучала и рядом никого не было, тело будто вспоминало, что создано не для оценки. Руки становились лёгкими, шаги точными, повороты свободными. В такие минуты она не думала, красиво ли выглядит. Она просто жила внутри движения.

Проблемы начинались после.

Стоило включить запись и увидеть себя на экране, как удовольствие исчезало. Алиса могла двадцать раз пересмотреть один короткий фрагмент, остановить на неудачном кадре и решить, что именно так её видят все остальные.

Она знала, что красива. Ей это говорили родственники, преподаватель танцев, подруги. Но чужие слова не складывались во внутреннюю уверенность. Скорее становились обязательством: если тебя считают красивой, нельзя выглядеть смешно, неловко или просто обычно.

Когда-то бывшая подруга переслала первое танцевальное видео Алисы в общий чат и подписала: «Движения нормальные, а лицо как будто сама себя обожает». Сообщение быстро утонуло среди шуток, но Алиса запомнила именно его. Несколько дней ей казалось, что в школе смотрят не на неё, а на тот неудачный кадр.

С тех пор перед камерой она старалась смотреть чуть скромнее, улыбаться не слишком открыто, выбирать ракурс, который никого не раздражает. Чем сильнее пыталась понравиться, тем меньше в видео оставалось самой Алисы.

В тот день она пришла в городской парк ради нового ролика. Место выбрала заранее: старая аллея, свет между ветками, кирпичная арка на заднем плане. Поставила мини-штатив, проверила кадр и несколько минут делала вид, что вокруг никого нет.

Музыка началась.

Первый проход получился осторожным. Алиса остановила запись и удалила. Второй был лучше, но в повороте волосы закрыли лицо. Третий ей понравился до тех пор, пока она не поставила паузу на крупном плане.

— Ну почему так? — прошептала она экрану.

Она сама не смогла бы объяснить, что именно «так». Просто не так, как должна выглядеть девушка, которой не стыдно показать себя миру.

Алиса записала четвёртый дубль. На этот раз перестала думать о камере. Ветер подхватил край пиджака, музыка легла точно в движение, и несколько секунд всё было правильно.

Когда запись закончилась, она даже улыбнулась.

Потом мимо прошли два парня.

Один задержался у дорожки. Не свистнул, не пошутил, не стал снимать. Просто сказал:

— Классно танцуешь.

Алиса услышала, но проигнорировала. Не из высокомерия. Внутри мгновенно вспыхнули десятки мыслей: он смеётся, сейчас подойдёт, надо что-то ответить, голос прозвучит глупо, он рассмотрит лицо ближе.

Она схватила телефон и сделала вид, что очень занята настройками. Парень постоял секунду и пошёл дальше.

Алиса убрала штатив. Четвёртый дубль всё ещё был сохранён. Она открыла его, посмотрела первые секунды и нажала «удалить».

Сразу стало легче. И почти сразу больнее.

Она пошла по аллее, не замечая, что направляется к старому дубу. Позже рассказывала мне, что просто искала другое место для съёмки. Думаю, дело было не только в месте. Иногда человек меняет локацию, чтобы не признать: он опять убежал от самого себя.

В зале Арсений не выглядел трусом.

Арсению было десять. Невысокий, сухощавый, с короткими тёмными волосами и серьёзным взглядом, он почти всегда стоял так, будто ждал команды начать упражнение. Даже сумку ставил параллельно стене, бинты складывал ровно, а развязавшийся пояс поправлял раньше, чем кто-нибудь успевал заметить.

Порядок нравился ему не только из-за дисциплины. В мире правил было спокойнее: заранее известно, где начинается поединок, что разрешено и когда всё закончится. На улице никто не объявлял начало, не останавливал удар и не объяснял, какое решение считается правильным.

Он приходил раньше многих, сам раскладывал лапы, внимательно слушал объяснения и не боялся пропустить удар во время упражнения. Если что-то не получалось, просил показать ещё раз. На тренировке всё было понятно: есть стойка, дистанция, правила и человек, который следит, чтобы никто не перешёл границу.

В тот день он особенно хорошо работал ногами. Несколько раз попал точно в лапу, успел вернуть ногу в стойку и даже услышал короткое:

— Молодец.

От меня такие слова не выдавались за каждое движение, поэтому Арсений запомнил.

После занятия он переоделся, закинул сумку на плечо и задержался у двери. Через стекло были видны двое старших ребят. Они стояли возле дорожки и смеялись над чем-то своим.

Арсений знал их. Они уже пару раз цеплялись к младшим, но всегда так, чтобы взрослые не видели ничего серьёзного. Толкнут, отберут кепку, пнут сумку, а потом скажут: «Мы просто шутили».

Неделей раньше они отобрали кепку у мальчика помладше. Арсений всё видел и прошёл мимо, притворившись, что торопится. Мальчик ничего ему не сказал, только посмотрел вслед. Этот взгляд Арсений помнил лучше любых насмешек.

Можно было подождать. Позвонить маме. Выйти через другой вход. Все варианты казались разумными, но за каждым Арсений слышал внутреннее: ты снова прячешься.

Он открыл дверь.

Первые несколько шагов никто его не трогал. Арсений почти поверил, что зря боялся.

Потом один из ребят специально врезался плечом.

— Ты чё, охренел? Смотри куда прёшь, спортсмен.

Арсений замер. Тело знало, как поставить блок, как уйти с линии, как держать дистанцию. Но всё это осталось где-то в зале за закрытой дверью.

Он опустил глаза.

Второй толкнул его сильнее.

— Ты на тренировке герой, а тут чё молчишь?

Потом пнул сумку. Она упала в пыль, молния раскрылась, наружу выскользнул бинт.

Арсений наклонился, собрал вещи и пошёл дальше.

Сзади смеялись. Никто не ударил всерьёз. Никто не нанёс травму, которую можно показать взрослым. Но внутри было ощущение, будто он оставил у двери не только уверенность, а самого себя.

Дома Арсений несколько раз прокрутил сцену. В каждом новом варианте он отвечал спокойно и твёрдо. В одном делал подсечку. В другом ловил руку и предупреждал. В третьем просто громко звал взрослых. Все правильные слова приходили после, когда опасность уже прошла.

На следующей тренировке он бил по лапам сильнее обычного.

— Не злись на снаряд, — сказал я.

— Я не злюсь.

— Тогда почему пытаешься доказать ему, что не слабый?

Арсений покраснел. Он хотел рассказать, но представил, как нелепо это прозвучит: тренируется боевым искусствам, а сумел только поднять пыльную сумку.

— Ничего, — ответил он.

Я не стал давить. Наставник иногда должен задавать вопрос и оставить человеку место для собственного ответа.

После тренировки Арсений снова увидел старших ребят и выбрал другую дорожку. Потом долго убеждал себя, что просто торопился.

К старому дубу он пришёл через парк. Издали заметил Семёна, который быстро уходил после неприятного разговора, и решил проследить. Сам себе объяснил это желанием помочь.

На самом деле ему хотелось хотя бы раз оказаться рядом с чужой проблемой, чтобы не думать о своей.

Семёну было тринадцать. Он был чуть выше Арсения, заметно полнее и производил впечатление человека, у которого заранее приготовлен ответ на любой вопрос. Круглое лицо ещё оставалось детским, но взгляд уже научился становиться насмешливым всякий раз, когда Семён хотел скрыть растерянность.

Он любил чёрные толстовки с глубокими карманами: в одном лежал телефон, в другом — отвёртка, провод, флешка или ещё какая-нибудь вещь, способная неожиданно пригодиться. Семён мгновенно замечал противоречия, терпеть не мог выглядеть глупым и шутил именно тогда, когда ему было стыдно или страшно.

Семён хотел новый смартфон почти год.

Не просто хороший телефон. Именно тот, который недавно появился в рекламе: тонкий корпус, три камеры, экран без рамок. В классе такой был только у одного мальчика, и Семён каждый раз делал вид, что техника его не впечатляет.

Он изучил обзоры, сравнил цены, нашёл магазин со скидкой и несколько недель объяснял маме, что покупка почти выгодная.

— Твой телефон работает, — отвечала она.

— Работает — не значит нормальный.

— Для звонков, учёбы и сообщений нормальный.

— Ты не понимаешь.

Последняя фраза была особенно удобной. Она позволяла не объяснять, почему чужой новый телефон вдруг стал доказательством собственной значимости.

Мама обещала подумать к дню рождения, но ждать Семён не хотел. В голове уже сложился план: взять часть денег, потом вернуть, когда продаст старый телефон. Недостающее занять у друга на два дня. Всё сходилась, если не задавать лишних вопросов.

Деньги лежали в тумбочке. Мама собирала их на оплату ремонта. Семён открыл ящик, долго смотрел на купюры и несколько раз закрывал обратно.

Кражей он это не называл.

«Я просто беру в долг у семьи».

«Мама всё равно потратит не сегодня».

«Старый телефон продам дороже, чем она думает».

Ум работал отлично. Совесть не исчезла, но каждый довод делал её голос тише.

Друг дал недостающую сумму без расписки.

— Завтра отдашь?

— Конечно. У меня покупатель на старый телефон уже есть.

Покупателя не было. Семён только переписывался с человеком на сайте объявлений, который спросил о состоянии батареи и больше не ответил.

Новый смартфон оказался именно таким, как в обзорах. Коробка открывалась медленно, экран загорался чистым светом, камера делала резкие фотографии. Первые часы Семён чувствовал почти счастье.

Потом мама заметила пропажу.

Её звонок застал его в городском парке.

— Семён, ты деньги взял из тумбочки?

Он посмотрел на новый экран. Ещё утром тот казался победой, теперь выглядел как улика.

— Мам, я потом объясню. Сейчас неудобно.

— Ты опять уходишь от ответа.

— Потом, ладно? Я правда сейчас не могу.

Он сбросил вызов. Несколько секунд просто любовался телефоном. Провёл пальцем по гладкому краю, включил заставку, проверил, как быстро открывается камера. На миг вернулось приятное чувство: он всё-таки получил то, что хотел.

Именно тогда его окликнул друг.

— Семён! Ты обещал вернуть ещё вчера.

Семён вздрогнул и опустил телефон.

— Да верну я. Просто сейчас не с собой. Завтра точно.

— Ты уже третий раз говоришь «завтра».

— Не драматизируй. Я сказал верну, значит верну.

Друг посмотрел на смартфон.

— Ты его уже купил?

— Это не твоя проблема.

— На мои деньги тоже.

Фраза попала точно, поэтому Семён разозлился.

— Я всё отдам. Не ходи за мной как коллектор.

Он быстро ушёл по аллее. В голове уже появлялись новые варианты: маме сказать, что деньги отдал за школьную поездку; другу пообещать процент; старый телефон продать дешевле, лишь бы получить наличные.

Каждая новая ложь закрывала одну дыру и открывала две.

У старого дуба Семён остановился перевести дыхание. Положил руку в карман, нащупал дорогой корпус и впервые подумал, что хотел купить не телефон.

Хотел купить ощущение, будто стал больше, заметнее, успешнее.

Телефон оказался настоящим. Ощущение продержалось меньше суток.

Глава 2. Старый дуб

Все трое оказались у дуба почти случайно. Хотя я давно не верю в такие случайности.

Семён пришёл первым. Он остановился у ствола, положил руку в карман, снова нащупал телефон и тяжело выдохнул. Ему нужно было место, где никто не спросит ни о деньгах, ни о долге, ни о правде.

Потом появилась Алиса. Она искала другую точку для съёмки и пыталась убедить себя, что дело только в свете. На самом деле прежнее место уже напоминало о парне, которому она не сумела ответить.

— Ты чего тут стоишь такой нервный? — спросила она.

— Думаю, — буркнул Семён. — Тебе не понять.

— О, гений размышляет под деревом. Исторический момент.

Она сказала это с улыбкой, но держалась на расстоянии. Даже ирония у неё была способом не подпускать людей слишком близко.

Арсений подошёл через пару минут. Сумка висела на плече, ремень был испачкан землёй.

— Я видел, как ты быстро ушёл, — сказал он Семёну. — Подумал, вдруг помощь нужна.

— Мне помощь не нужна.

— Всем иногда нужна, — тихо ответил Арсений и сам смутился от собственной фразы.

Ветер прошёл по кроне, хотя в парке почти не шевелились другие деревья. Из сухого дупла вылетела птица. Алиса вздрогнула и подняла телефон, но экран на секунду потемнел.

— У тебя тоже завис? — спросил Семён.

Его новый смартфон не реагировал на касания.

Арсений подошёл к корням. Между ними виднелась узкая полоска металла.

— Тут что-то есть.

Семён первым присел и разгреб землю носком кроссовка. Показалась рукоять, старая, тёмная, с едва заметным солнечным узором.

— Может, не надо? — сказал Арсений.

— Вот поэтому ты всегда боишься.

Слова вырвались у Семёна слишком легко. Арсений отступил, а Семён тут же понял, что попал в больное место. Извиниться было бы правильно, но он сделал вид, что занят находкой.

Он потянул обеими руками. Меч не поддался. Тогда Алиса поставила телефон на корень и помогла. Арсений несколько секунд смотрел, потом тоже взялся за ножны.

Только после этого земля отпустила клинок.

Воздух дрогнул. Дуб словно выдохнул, а между корней пробежала тонкая золотая линия. Телефоны включились одновременно, но на экранах вместо обычной картинки появился один и тот же знак: круг, пересечённый вертикальной чертой.

— Это вы сделали? — спросила Алиса.

— Конечно, — сказал Семён. — Я каждый день взламываю древние деревья.

Шутка не помогла. От меча шло тепло, слишком ровное и живое для нагретого металла.

Он не выглядел новым. Он выглядел настоящим. Вещи, созданные ради красоты, стареют. Вещи, созданные ради смысла, со временем становятся тяжелее.

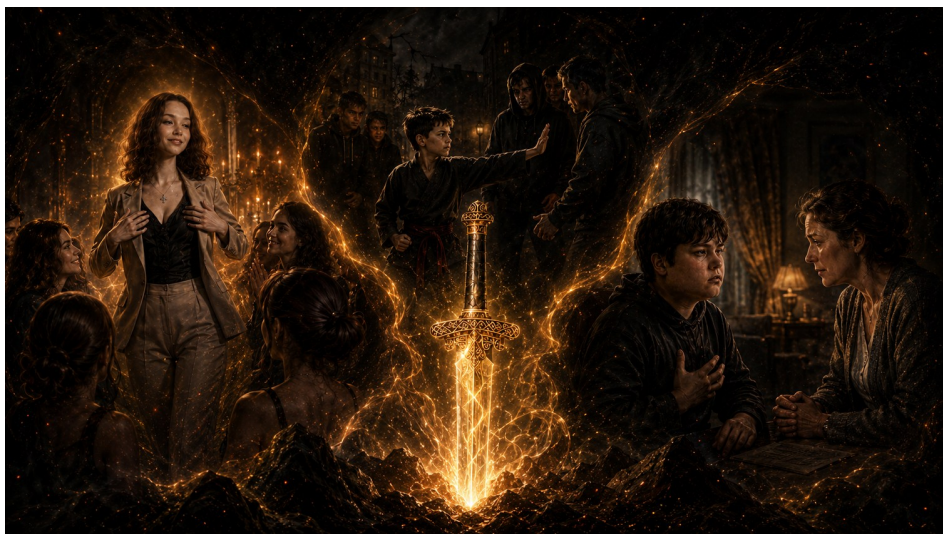
Семён коснулся рукояти первым.

Свет ударил ему в глаза. На ладони проступила тонкая золотая линия, похожая на половину солнечного круга.

Алиса схватила его за руку, пытаясь оттащить, и увидела собственную вспышку. На её ладони появилась вторая часть знака.

Арсений хотел помочь им обоим. Когда его пальцы коснулись ножен, круг замкнулся.

Меч связал не троих избранных героев. Он просто отметил троих людей, которые в один и тот же день устали убегать от себя, но ещё не знали, что делать дальше.

Глава 3. Что показал клинок

Я почувствовал пробуждение меча за несколько кварталов от парка.

Сначала подумал, что это обычная усталость после тренировки. В груди коротко кольнуло, ладони стали горячими. Потом отражение в зеркале заднего вида на миг сменилось золотым светом, и я понял: печать у дуба раскрылась.

Я остановил машину у обочины. Несколько секунд сидел, не двигаясь. Человек, проживший много веков, не перестаёт пугаться. Он просто быстрее узнаёт знакомый страх.

Меч Силы не должен был проснуться случайно. Его нельзя было вытащить одной любознательностью или грубой силой. Клинок отзывался лишь тогда, когда рядом сходились три условия: человек устал жить по-старому, уже увидел правду о себе и ещё не решил, что с этой правдой делать.

Три вспышки прошли через сознание одна за другой.

Девочка, которая танцевала свободно только до тех пор, пока на неё никто не смотрел.

Мальчик, умевший держать удар на тренировке, но отдававший себя страху в обычной жизни.

Подросток с новым телефоном в руке и ложью, которая росла быстрее долга.

Я не видел их лиц ясно. Меч не показывал людей как фотография. Он передавал суть. Но вместе с ними пришло другое ощущение, гораздо более старое.

Холод.

Такой след оставлял только один Хранитель.

Я закрыл глаза и увидел на миг левое плечо, чуть опускающееся перед ударом. Давняя привычка. Я исправлял её сотни раз, а он вечно смеялся, что противник всё равно не успеет заметить.

— Велемир, — произнёс я прежде, чем успел остановиться.

Имя исчезло в шуме улицы. Уже много веков никто не называл его так.

Телефон на панели показал входящий вызов. На экране было имя Ратибора, одного из старших Хранителей Круга Алатыря.

Я не ответил.

Если Орден уже почувствовал пробуждение, у меня оставалось мало времени. По правилам я должен был сообщить место, восстановить печать и убрать свидетелей. В некоторых случаях им стирали память. Не полностью, только несколько часов, но и это всегда казалось мне слишком удобным решением.

Я завёл машину и повернул к парку.

По дороге Меч снова отозвался. На этот раз не образами детей. Я услышал женский голос, тихий и далёкий, будто слова пробивались сквозь воду:

— Не опоздай снова.

Я резко нажал на тормоз. Машина позади возмущённо посигналила.

Голос принадлежал Мирославе.

Такого быть не могло. Она погибла задолго до появления большинства известных сегодня народов. От неё не осталось тела. Только несколько повреждённых записей внутри разбитого Зеркала Единой Воли.

Но я узнал голос.

Бессмертие сохраняет слишком многое. Иногда больше, чем человек способен вынести.

Первое видение досталось Семёну.

Свет меча ударил в глаза, парк исчез, и он оказался на кухне. Всё выглядело настолько точно, что Семён сначала решил: каким-то образом вернулся домой.

Тот же стол. Чашка мамы с маленькой трещиной на ручке. Пакет с крупой возле холодильника. Новый смартфон лежит экраном вниз, словно сам стыдится своего появления.

Мама стояла у тумбочки.

— Семён, ты деньги взял?

Он почувствовал, как внутри запускается привычный механизм. Сначала отрицать. Если не поверит, сказать про школьный сбор. Потом напомнить, что она сама иногда забывает, куда положила деньги. В крайнем случае признать небольшую часть.

Ложь редко рождается одной фразой. Это целая лестница, которую ум строит за секунду.

— Нет, я...

Слова остановились.

В видении Семён вдруг услышал не только свой голос, но и то, что будет после. Мама проверит переписку. Найдёт объявление. Позвонит классному руководителю. Друг расскажет о долге. Каждая новая версия станет выглядеть ещё глупее.

Но страшнее было другое: он увидел себя через месяц. Телефон всё ещё у него, а мама уже не верит даже обычным словам. Спрашивает, сделал ли уроки, и проверяет. Просит сходить в магазин и пересчитывает сдачу. Не потому, что хочет унижить, а потому что больше не знает, где правда.

Семён сглотнул.

— Мам, я соврал. Я взял деньги с тумбочки и ещё занял у друга. Хотел купить телефон. Думал, быстро верну.

Мама не закричала. Это оказалось хуже.

Она села за стол и несколько секунд смотрела на него так, будто пыталась узнать.

— Ты украл у меня?

— Я хотел вернуть.

— Это не ответ.

— Да.

Слово вышло тяжёлым.

— Почему не попросил?

— Ты бы не дала.

— Поэтому решил, что можно взять?

Семён опустил глаза. В видении не было удобной фразы, которая сразу делала его хорошим.

— Не знаю.

— Знаешь. Просто не хочешь сказать.

Он посмотрел на телефон.

— Хотел, чтобы у меня был такой же, как у нормальных ребят.

Мама вздохнула. В её лице было разочарование, но не отвращение.

— Теперь будем возвращать деньги. Другу и мне. Телефон, возможно, придётся продать.

— Но тогда всё зря.

— Не всё. Если поймёшь, что желание не даёт права брать чужое.

Видение показало ещё один момент: Семён отдаёт другу первую часть долга. Тот не улыбается и не прощает сразу. Просто берёт деньги.

Правда не превратила последствия в праздник. Она только перестала их множить.

Свет погас.

Семён снова стоял у дуба, сжимая рукоять меча. Алиса и Арсений смотрели на него.

— Что ты видел? — спросила Алиса.

— Ничего особенного.

Первая ложь после видения выскочила автоматически.

Меч в его руке остыл.

Семён почувствовал это и впервые испугался не того, что его разоблачат. Испугался, насколько быстро привычка возвращается.

Когда меч коснулся Алисы, она снова услышала музыку.

Аллея была той же. Парень стоял у дорожки и говорил:

— Классно танцуешь.

В реальности Алиса схватила телефон и ушла. В видении время словно остановилось между его словами и её привычным бегством.

Она увидела два пути.

На первом повторяла знакомое: делала вид, что не слышала, вечером вспоминала разговор, придумывала удачные ответы и злилась на себя.

На втором не происходило ничего великого. Алиса просто оставалась.

— Спасибо, — сказала она.

Голос прозвучал тише, чем музыка в наушниках.

Парень улыбнулся.

— Ты часто здесь снимаешь?

— Иногда.

— У тебя блог?

Алиса привычно хотела обесценить: «Так, ерунда, ничего серьёзного». Вместо этого открыла страницу.

— Да. Только я не всё выкладываю.

Он посмотрел несколько роликов.

— А этот почему не выложила?

На экране был танец, который Алиса считала неудачным.

— Там лицо странное.

Парень пересмотрел начало.

— Обычное лицо.

— В смысле?

— В прямом. Нормальное. Ты там живая.

Слово «живая» оказалось важнее комплимента. Красивой нужно соответствовать. Живой можно ошибиться, покраснеть, не знать ответа.

Видение изменилось.

Алиса увидела своё видео в сети. Под ним были хорошие комментарии и один злой. Она прочла злой первым. Палец потянулся к удалению, но остановился.

Потом появилась другая сцена: танцевальный зал, несколько незнакомых людей, музыка. Алиса ошибается в движении, смеётся и продолжает. Никто не отворачивается. Мир не рушится.

Меч не обещал ей всеобщей любви. Показывал более трудную свободу: выдерживать, что кто-то не одобрит, и всё равно оставаться собой.

Свет погас.

Алиса отпустила рукоять и сразу посмотрела на телефон. Хотелось проверить лицо, убедиться, что видение ничего не изменило внешне.

— Ну? — спросил Семён.